

— ...Мой прадед был казаком... Любил женщин и лошадей. В 90 лет разбился...

...Луч прожектора вытягивает из темноты бороздато, тусклое лицо. Тоскующие глаза человека, утомленного вереницей разочарований, усталого, измученного теми предлагаемыми обстоятельствами, где драм не бывает, а бывают ссоры, скандалы, «сцены», столь крикливо и столь бездарно разыгрывающиеся вокруг него.

Крупный план. Не моргнув глазом, представляет себя:

— Я вообще хам. И невыдержанный человек.

— Сергей Николаевич, ну, зачем же так сразу-то...

— Лицо должно быть поцарапано, чтобы запомниться.

— Это из серии «в кальсонах» люди не интересны.

— Да, совершенство — на небесах и в мраморе.

— «Трещина на лаке делает лик не иконописным, а живым...» — соглашаюсь я.

— Не считаю себя обязанным «привыкаться», приспосабливаться к чужой инерции восприятия, подчинять свою личность другой личности, даже очаровательной.

Его «психическая атака» лишена и тени значимости, важности, показной надменности. Только после пикировки устает меня доверием лысеющий матADOR. В уголках губ начинает теплиться улыбка, взгляд чуть мягче. Вызывающая сухость интонации сменяется сдерживаемой заинтересованностью.

— Мой прадед был казаком... Любил женщин и лошадей. В 90 лет разбился, когда на всем скаку упал с лошади. По маминной родословной — дворянство. Это для меня самая значительная ветвь русской культуры. Ныне забытые нами вещи: кодекс чести, достоинства, благородства — обязательно должны были быть унаследованы генетически и прийти в сегодняшней день. Это то самое прошлое, с которым не расставаться надо, смеяться или плакать, а наоборот — помнить об этих корнях, из них растет наше нравственное «мы». Но мы почему-то больше «дети Шавкиова», этого недочеловека, так зло и точно описанного Булгаковым. И вот эта двойственность корней и личностей и есть самое трагичное в нашей истории.

От деда — пах, от деда ужасно сильное себялюбие, но и от деда же — врожденное чувство крестьянства. Он был крепкий кулак, но в один миг порушил все хозяйство, бабка ахнуть не успела. И оказалось, что дом и огромный сад над обрывом, речка, в которой тьма рыбы, — это только оставшаяся четвертая часть его хозяйства. Там, на Дальнем Востоке, среди удивительной природы (клены, дикий виноград, яблоны, груши... змеи в лесах...) я родился и вырос. В 8—10 лет мы — все друзья, уходили за 20 километров на побережье Тихого океана. Неделю жили в старших разрушенных бывших корейских поселениях, помогали рыбакам тянуть неводы, жгли костры... И океан, вечный океан — образ безграничных просторов, стихии, образ жизни естественной и гармоничной. Это было обобщение — Земля и Мл. когда «я» — частная большого, Вселенная. Будта Золотой рог, залит Перга Великого и мы маленькой колонийкой «равенства и братства».

От папы у меня расчет, деловитость. Он был военнотружущим, женился поздно, в 36 лет. Хотя постоянно колесили по Дальнему Востоку и с собой брали только самое необходимое, но каждый раз в доме было много-много книг. Зачитывался всем подряд. До школы знал и любил Некрасова. Считаю, что литература — естественная школа. Больше читать, анализировать, сопоставлять, задумываться, переживать. А теперь с 6 лет «долбеж», от которого и головы не поднимаешь, — это и есть прилежание и учение! Дебилизм! Слава богу, что хоть с принудительным патриотизмом завязали. Я никогда не был пад-мальчиком. В 4—5 классе на всех заборах было написано: «Смерть губаристам!» — враждовали страшно, в моей группировке была мажорская шпана. Дни проносились лихо, многообидно. Еще дико любил собак, не мог без них жить, родители встались от моей страсти, любил собачий запах. Может, потому, что нюх у них в тысячу раз совершеннее, чем у людей. В саду строил шалаш из подсолнухов и жил с ними. Собака казалась высшим существом верности, любви.

Дальний Восток — лучшая часть моей жизни, навсегда «светлая полоса». Тогда, в прошлом, все волновало до слез.

В восьмом классе приехал сюда. Был хмурый, тоскливый, ненужный год. Не было ни товарища, ни друга. Я не понимал, что все другое. Люди другие. Там Губарь был Губарь — закоперщик, а здесь потерялся... Страшно быть брошенным в пустыню. Задыхался. Был дурак дураком. Всего боялся, не понимал, что, зачем, куда? Прежде — лично учился, а тут — умственно отсталый! Стал последним двоечником. Наизусть учил учебник математики! Но Дружество вдруг нахлынуло. Вика Герасименко, Паша Горшков — это мои первые друзья. 9 класс. Вдруг пришли люди, которые тебя понимали, что «ты» есть «ты»! Это удивительно.

— Что осветило ваше вступление в мир кулисы?

— Игра. Я еще не учился в школе, а уже повесился. Мы с девочками пошли гулять в парк, заглянули в кино. Зою вешали. Я понял: чтоб быть героем, надо повеситься! На пирами-

те. Видимо, бог меня любил, что дал мне ее. И все, что хорошего я сделал или было во мне хорошего за это время — от нее, а что дурного — это от меня самого. Еще б чуть-чуть, и я бы весь растворился: ни ума, ни воли, ни слов...

Вой в душе помогла успокоить Нина Сергеевна Бельчинская. Всегда буду ей признателен и благодарен. В 67-ом был первый спектакль по стихам павших поэтов... «Жить, изворачиваясь клочками в клочки, гнутья от боли, от ярости дыбиться...» — так я попробовал обнаружить свой символ веры, объяснил театру в любви и поклонился в верности. Это было время поэтических спектаклей. Этого хотели, это чувствовали, это волновало. Стихи выплескивались в образах.

Так, потихоньку, лед тронулся. Я стал смелее и веселее на жизнь смотреть. Забыл свое дурацкое... все безнадежно... Забыл интересом. Надо знать путь, каким идешь в жизни. Театр есть те-

ЕСТЬ ДЕТСКИЕ КНИЖКИ-«складушки» с картинками, картонные странички которых можно развернуть в одну длинную ленту и наглядно представить сюжет в пространстве. В жизни Сергея Николаевича Губаря множество действующих лиц, несколько сюжетных линий, слабо связанных между собой композиционно, молниеносная смена места действия и настроения. Здесь по соседству — трагедия и водевиль. Губарь скорее может показаться всем замкнутым, нелюдимым, нежели надрыно страдающим. Но когда к этому человеку приходит Удача, счастливыми чувствуют себя и все окружающие его. Он весьма своенравен, крут, вовсе не обладает дипломатической жилкой. «Нормальное» течение жизни в бытовых берегах не для него. Драматизм более жесткий, а комизм откровенный, издевка прямая, намеренно грубая, потому что доводит до бешенства все торжествующие, сытые, с «правильным» жизненным ритуалом.

Линия судьбы В ОТЬЛЕСКАХ СВЕЧИ

Дальний тополь привязал проводку и сунул голову в петлю. Что заставило шестилетнего мужчину это сделать? Зоя Космодемьянская. Но папа считает, что это его наследственность. Когда он читал стихи, то все слушатели воссоздающе заявляли: «Коля — большой человек! Коля — актер!» Сейчас Николаю Васильевичу 80 лет. Сейчас я понимаю, что отвечаю за него и за себя. Потому что старший в семье — один мужчина, две сестры. И все же папа настаивал, чтобы я был строителем.

Когда первый раз поступил в театральный, меня через неделю отчислили за профнепригодность. Не мог фразы от волнения произнести, всего бьют. От ужаса сознанием трясло еще больше.

Правоммерность избранного пути дома вызвала споры. Мама — паразитический человек, она гасила все вспышки. Мама понимала, что Сережа должен идти своей дорогой. Маму люблю жутко. Это тот человек, который позволил мне обрести свою свободу, найти дорогу.

Потом... Страшно и отвратительно было. Многие пользовались старинным, отжившим приемом — фальшивого говорения в сторону, со смаком хрустом. Конечно, я — пропавший человек, жутко запивал... Коля, отчаяние, туннель... Рассудительно-ехидные наставления... как в сатанинском карнавале «кличади» старались забрать вперед уцепить, и я — изумительно пустое место! Мир, замкнутый в себе. А вокруг — самоутверждение, становление, где все заранее расписано, и я смею в своей претензии на то, чтобы осуществилась единственно возможная для меня форма человеческого существования. Вокруг все отчуждено, отифиловано, доносится от привычного употребления, а я — неудачливый, никчемный... Непереносимо было. И все протесты выражались лишь в бессильном пьяном скандале. Урод, нечленораздельно мычащий. Все это было. И неизвестно чем бы закончился этот вакхический парад, если б меня не спасла жена. Она провела жуткий круг безвыходности, по которому я, как безумный арестант, привязанный цепью в крутящемся ому-

атр. Там не может быть «игры в самоотдачу». Он требует подвижничества. Забирает тебя целиком. С точки зрения здравого смысла необъятно. Жизнь переизмыслена, разбивается стремительно. Это стихия, которая освобождает и раскрывает внутреннее «я», отменяет привычные условности и запреты. Требуется выдержка, выносливость, Театр не падает. Процесс этот изнурителен, опустошающ. Легко ли тащить себя на дыбу жесточайшего самовыражения? Странная вещь. Слушая общие лекции, каждый идет своим путем, открывая свои законы.

— За что еще очень больно?
— Из нашего города уехала масса актеров, Света Гайган, Борис Горюшков, Людмила Мизенина, Волода Матвеев, Людмила Давина, Слава Кормилцев... Это необычные талантливые люди. Каким силам ушли из Первоуральска! Жгуче больно и стыдно осознавать, что это никому не надо. Собрать бы их в альма-матер был бы удивительный театр. Сейчас огромный талант, необычайного — Оля Сырцова. Их пестовать надо, а мы не хотим. Не можем сохранить ни личности, ни таланты.

— Ваши провалы?

— Ни один режиссер не застрахован от промахов. В основном — это сказки. Для детской драматургии надо обладать профессионализмом, здесь режиссер проверяется на крепость. И экзамеи выдержала на отлично Лариса Георгиевна Казина, Пальма перенести у нее. Сложность в том, что примитивный материал не нравится актерам. Но актерам же и вынуждены спасать этот примитив, насыщая внутренним содержанием, помогая своей фантазией, выдумкой. Ценю величайшую умницу Ларису Георгиевну. Дай бог, чтоб у нее все прошло. Большой дар.

— Как же получилось, что, вместе пережив самое суровое время, у вас произошел раскол?
— Может, это жизненная необходимость? Театральная истина — дама свободная и сложная. Здесь всего намешано. Каждый из нас по-разному истою и рьяно утверждал свое. Общее, пожалуй, творческое бесстрашие, когда

кажется, что очень многое возможно и доступно. И никакая сила не сможет удержать в рамках положенного.

Накаленная атмосфера разрядилась в два театра. Вы хотите, чтоб больше хороших и разных, а на деле? Люди становятся мудрыми, познавая добро и зло, делать ошибки — так естественно, только они и есть опыт. Внутренние противоречия должны быть в каждом. А режиссеры вообще природы непослуживательные.

— Что самое главное и радостное для вас в работе?

— Актер. Его самостоятельность, наполненность, инициатива. Умение по-своему увидеть роль и по-своему ее показать, да так, чтоб я вынужден был принять актерское решение.

— А самое ужасное?

— Фарисейство нации, которая чванится передо мной. Неся вздор и мажоризм, каждый на свой лад, любое предложение решает как мировую проблему. Единственный, кто понял, что в городе есть Театр, кто воспринял всерьез, так это Сергей Федорович. Я не могу называть его Портнов, потому что широкий, человеческий, мудрый взгляд на вещи отличает его. Мое упорство многих раздражает, но только не Михаила Андреевича — зав. отделом культуры. Он по-настоящему встревожен театром. И ему бывает больно и горько, когда нас пинают. Старается помочь преодолеть барьеры. С тем и другим руководителями — диалоги Понимания. Остальные — мраморные бюсты, театр прожил мимо них.

— Понятие синтетического театра, думаю, не распространяется до того, чтобы ставить все, что ни придет?

— Да, бывает и одноазовый прокат. Такие уступки сбывают. Надо «собрать» зал, актеры должны есть. Не все согрето жаром взаимной любви, согласен. И меня тягостно, уныние, апатия охватывают, когда делаю это.

— Сколько вас?

— Артель, где все стараются уметь делать «все». — 21 человек. Это здорово и наполовину снимает все проблемы. Но в театре неизменно находят приют все, кто волею судьбы оказывается на время в трудном положении. Кто нуждается в нашем участии. Пусть эти «буитари и враждебны» мне по духу, но в минуты их растерянности мы рады им в театре.

— В апреле вы подведете итоги за пять лет работы театра. Что мы увидим?

— Восстановим «Утиную олоту» А. Вампилова и попробуем успеть с премьерой «Трехгрошовый».

— Брехта играло много и по-разному. Но часто вместо «оперы» получалась «оперетка», так сказать, брехтия. Без боли, гнева и злости. Экзотика «клубнички» рождала двусмысленные смешки в зале.

— Надеюсь на «возросший моральный уровень» зрителей, осторожничать не буду и уж чего-чего, а злости хватит, коли в нашей жизни естественны продолжительность жестокости, ложь — чем не публичный дом?

— По сегодняшним изповским обычаям, я думаю, что этот факт мы проклядем особо?

— Несомненно, с благородной борьбой за молодые таланты, за достоинство актера.

— С вами, наверное, непросто работать. Взрывной темперамент — адский коктейль страсти, лиризма, непримирного рассудка.

— Что же делать, коль моя тяжеловесная натура шире плеч? Для меня главное — это «верю» и «чувствую». А в работе, наоборот, не хватает разумной жестокости. Часто не по делу декламатично, мямлю!

— Чего боитесь?

— Сорваться в прошлость. Остаться в изнороческой ситуации обманутой жены. Не получить знания для театра. Уклоняться от ссор, сглаживать противоречия. Идти на компромисс с фальшиво. Быть загнанным под желаемый ранжио.

— А если с помещением для театра возникнут новые осложнения на неопределенный срок?

— Тогда в «меру улитачному» Карлсону, который и поныне живет под крышей ДК «Строитель», придется брать залатанный коврик бродячего комедианта и раскинуть на улице...

— Спасибо Вам, Сергей Николаевич. Занавес закрывается. Пусть звездные минуты театра будут впереди. Пусть неистовый романтик найдет общий язык с властью. Пусть тормозит наши мысли и чувства, неся собственную оценку жизни.

— Оставляю последнее слово, то есть спектакль, за собой.

Л. ГАЛАКТИОНОВА.